

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

НАШЕ
MAXIM
MAXIMONLINE.RU
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕСТОРАН

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

РИНАТ ТАШТАБАНОВ

**МЕТРО 2033:
ОБРАТНЫЙ
ОТСЧЕТ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т25

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Оформление обложки — Яна Половцева
Карта — Леонид Добкач, Илья Волков

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Таштабанов, Ринат Равильевич.

Т25 Метро 2033: Обратный отсчет : [фантастический роман] / Ринат Таштабанов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-096578-6

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Он давно забыл свое прежнее имя, зато привык смотреть на людей через снайперский прицел. Вокруг него — мир, сгоревший в огне. В его сердце бьется ад. Чтобы обрести себя, ему пришлось потерять все. Вера помогла ему выжить. Жажда мести определила его дальнейший путь. Теперь только от него зависит, кому жить, а кому умирать. Он знает, что за все придется платить и смерть идет за ним по пятам. Но сможет ли он, заглянув в бездну и испив горькую чашу судьбы до дна, получить искупление? Этого не знает никто. Ведь предание гласит: когда оковы цивилизации падут и обнажится звериный оскал человека, время повернет вспять и начнется обратный отсчет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096578-6

© Д.А. Глуховский, 2016
© Р. Р. Таштабанов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

О ТЕМПОРА, О МОДА!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

ВЯЧЕСЛАВА БАКУЛИНА

Не так давно меня попросили черкнуть пару строчек для некоей газеты на тему «почему так популярен постапокалипсис»? Парой строчек, традиционно, не обошлось. Зато вы, мои дорогие выжившие, нынче получите не традиционную для последних записок «главвреда» проекта проповедь, а, вполне себе обоснованный, как мне кажется, взгляд профессионала в литературе на вполне уместный для нашей серии вопрос. Соглашаться же с моей точкой зрения, или нет, — это уже дело ваше.

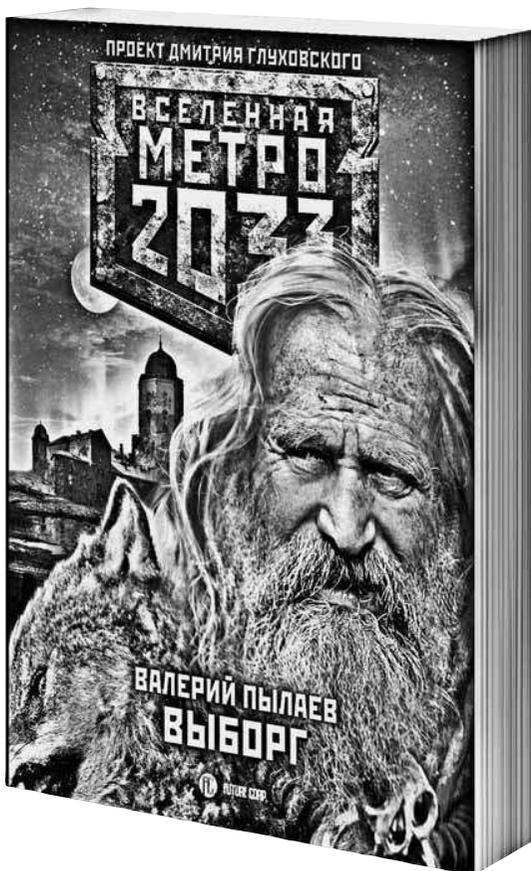
На самом деле, говорить о том, что существует «мода» или «спрос» на постапокалипсис, я считаю неправильным. Есть устойчивый спрос на приключенческую литературу. На книги, в которых герой-пионер — первопроходец, разумеется, а не юный ленинец, — терпит лишения, сражается с природой, дикими зверями и людьми, открывает доселе неведомые уголки мира. И спрос этот сохраняется уже более двухсот лет, да и дальше будет, я уверен. Что до популярности постапа, то тут, как мне кажется, изменения кроются в самом обществе. В эпоху возникновения популярной, массовой литературы, умы и силы были направлены на открытия в науке, технике, географии. Человек стремительно познавал мир вокруг себя, раздвигая привычные ему границы Ойкумены с невиданной доселе прытью. Неудивительно, что Верн, Буссенар и Майн Рид охотно отправляли своих героев в дикую глушь Африки, Австралии и обеих Америк, а читатели были в восторге от их приключений.

Потом случились две ужасающие своими масштабами мировые войны, кошмарные боины, заставившие многих всерьез задуматься о будущем. Люди, выжившие и вернувшиеся домой, поверившие наконец, что все закончено, с небывалой силой хотели жить. Растить детей. Творить. Заниматься наукой, искусством, бизнесом, — чем угодно, только бы не убивать, не позволяя убить себя. Человек поднял глаза из окопов — в небо. Одним словом, весьма немногие тогда сомневались в том, что еще при жизни нынешнего поколения будет освоен космос, а уж коммунизм или капитализм будет править меж звезд — это уже дело десятое. Неудивительно, что именно со звездной экспансией связана в первую очередь тогдашняя популярная литература. Отважные астронавты, колонисты на диких, неизведанных, опасных планетах, в борьбе с причудливыми животными, агрессивными аборигенами и звездными пиратами, сменив пробковый шлем и карабин на скафандр и бластер, по сути, не изменились вовсе.

Дальше пришло разочарование: беспринципные политики и жадные торгаши все традиционно испортили, лунная гонка закончилась гонкой вооружений, и вообще в воздухе запахло новой войной. Но главное — никаких явных для общества прорывов. В отличие от другого континента, куда каждый имеющий деньги мог оправиться в любой момент, звезды были так же далеки и неведомы. И НФ сменило фэнтези, призывавшее: «Назад, к корням!». То есть — к мечам, лошадям и флоту парусно-гребного типа. Сражаться с еще более фантастическими хищниками, усмирять уже не просто диких каннибалов, но другие расы, и заполнять бесчисленное множество очередных темных мест на картах.

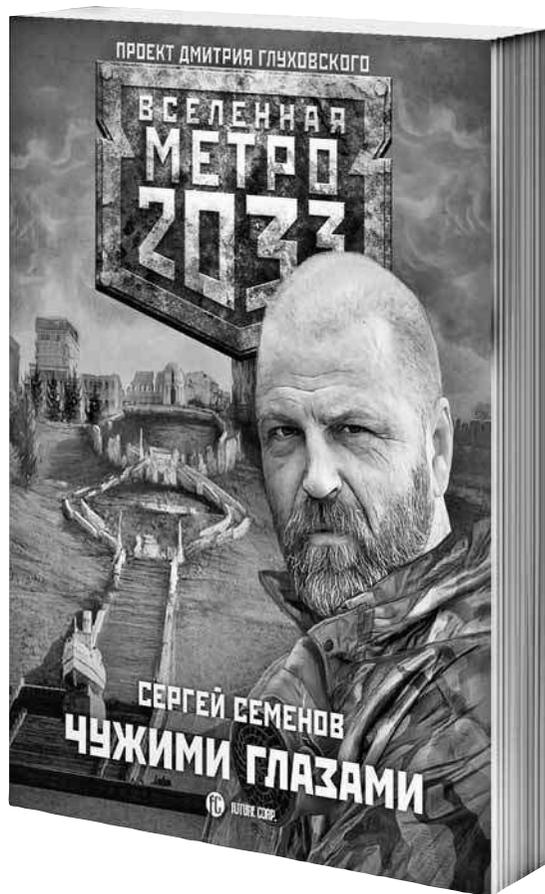
А время шло, менялся массовый потребитель литературы. У него появлялось все больше свободного времени и ресурсов, его жизнь становилась все более легкой и необременительной. И куда более ценной. Зачем эскапизм, ему и тут вполне себе неплохо. Гегемоном стал клерк с его же, клерка, системой ценностей. Не стальные мышцы и храбрость, но дипломатический талант, не ловкость и воля к победе, но передовые знания, точный расчет, жилка бизнесмена возносили его на вершину славы. Клерк уже не хотел читать про первопроходца — он сам хотел быть первопроходцем. Оставаясь при этом — самим собой. Путешествуя в иные миры (или в прошлое), меняя костюмы или даже внешность, но — сохраняя где угодно свою личность. Неповторимую личность человека современности. И это был расцвет историй о так называемых «попаданцах».

Дальше — больше. Жизнь, внешне сохраняя свою привлекательность, теряла безопасность. Техногенные аварии, локальные войны, терроризм наглядно демонстрировали человеку из толпы, с какой легкостью он может лишиться всего того, что составляет его теперешнюю суть. И заодно — серьезно поколебали его уверенность в том, что именно *это* является истинными ценностями. А уж страшилки, возможность пощекотать себе и окружающим нервы, право же, были популярны задолго до Буссенара. Страшилки и, одновременно, уверения самих себя, что мы — не пропадем в любом случае. Мы — сильные, мы — смелые, мы — достойные! Так что произошел просто следующий виток истории: каменные джунгли, в которые превратились уничтоженные какой-нибудь напастью мегаполисы, одичавшие или мутировавшие в ужасных монстров животные, каннибалы поневоле, опасности, природные препятствия, лишения, сражения, открытия. И в центре — все тот же сильный, отважный, умный человек. Первопроходец будущего. Сам себя загнавший в невыносимые условия, и теперь доблестно их преодолевающий. Потому что так уж заложено в него природой.

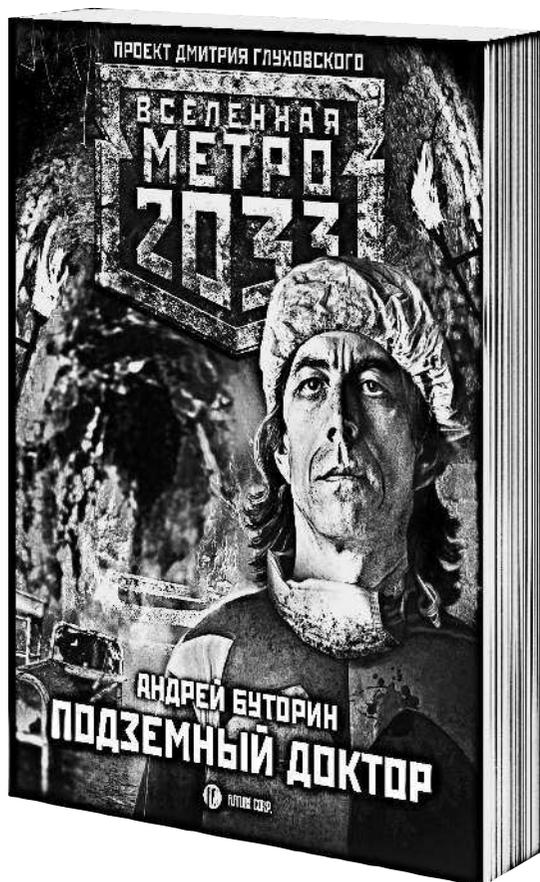

Опустевшие твердыни могут ждать долго — столько, сколько потребуется. И их время пришло. Спустя двадцать лет после Катастрофы древний Выборгский замок снова служит укрытием для людей. После захода солнца за его стенами происходит что-то страшное, а то, что творится внутри, немногим уступает ужасам ночи. Но у тех, кому больше нет места в туннелях питерского метро, выбора уже не осталось. Чтобы продолжить свой путь на север, им придется вступить в схватку с хищниками, и самые опасные из этих хищников ходят на двух ногах.

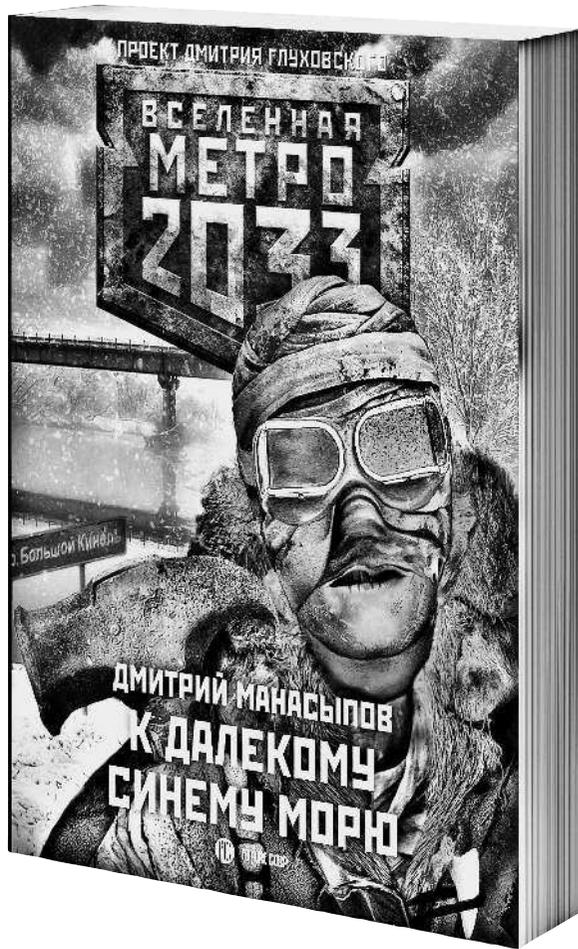
Можно ли остаться человеком там, где волчьи нравы? Только тот, кто правильно ответит на этот вопрос, сможет совладать с оружием, с которым не сравнятся ни острые зубы, ни смертоносная сталь.

В древнем городе, стоящем на месте слияния двух великих рек, разгорается пламя новой войны. Даже спустя двадцать лет после Судного дня люди по-прежнему мечтают о богатстве и власти, жаждут убивать и делят останки мертвого мира. Есть ли смысл верить в чудо, когда надежда почти умерла? Стоит ли искать, если знаешь почти наверняка, что в конце пути тебя ждут разочарование и боль? Способна ли отцовская любовь совершить невозможное и спасти сына, когда родной город смотрит на тебя чужими глазами? Глазами смерти...

Две тысячи тридцать третий год. Разрушенный Последней Войной Великий Устюг, один из древнейших городов Русского Севера. Мутант Глеб, кажется, вполне счастлив в браке с юной Снегурочкой-Сашей. Можно даже забыть ненадолго о собственной устрашающей внешности и о том, что между правителями города, Святой и Дедом Морозом, продолжается вялотекущая «шахматная партия», а точнее — шашечная игра в «поддавки». Можно... если бы за «доской» не объявился новый игрок — таинственный «архангельский демон» с его не менее загадочной свитой чуть ли не из самой преисподней. И на кону теперь нечто куда более важное, чем просто выбиться в «дамки».

Идя дорогой стали, он встал на тропу смерти, но, не пройдя и шага, нашел надежду. Новую надежду и новый путь. Опасный, сложный путь, ведущий к тем, дорожке кого просто нет. Туда, где он так давно не был. К далекому синему морю. Но для того, чтобы пройти этот путь до конца, ему придется сперва разобраться с прошлым. Ведь оно, подобно затаившейся змее, может в самый неожиданный момент нанести смертельный удар...

И когда Он снял четвертую печать,
Я услышал голос четвертого животного,
Говорящий:
Иди и смотри!
И я взглянул,
И вот, конь бледный,
И на нем всадник, имя которому Смерть.
И Ад следовал за ним.
И дана ему власть над четвертою частью земли —
Умерщвлять мечом и голодом,
И мором и зверями земными...

(Из откровения Иоанна Богослова)

Пролог

Вздох — боль. Выдох — боль. Грудь разрывает на тысячу частей. Жидкость с привкусом меди клокочет в горле. Я харкаю, забрызгав кровью маску противогаза.

Ветер, бешено завывая в ночи, с яростью голодного пса треплет разорванную одежду. Снежное крошево, обжигая холодом, запускает острые когти под кожу. Хочется выдрать легкие, чтобы хоть на миг унять внутренний жар.

Невольно дергаю руками, забыв, что запястья прибиты гвоздями к деревянной балке. Распятый на кресте, я вишу над землей. Боль сводит меня с ума. С трудом разлепляю заплывшие от кровоподтеков веки. Смотрю вниз.

Тело Машеньки, лежащее подо мной, уже запорошило белым саваном. Ее заостренное лицо обращено к небесам. На губах застыл безмолвный крик, а остекленевшие глаза, затянутые мутной поволокой, словно смотрят на меня с укором. И в посмертии она прикрывает окровавленными ладонями огромный живот.

— Машулька, простишь ли ты меня когда-нибудь, а? — спрашиваю я, обращаясь к мертвой. — Ведь это — я не сберег, не защитил тебя и ребенка. Но ничего, скоро мы встретимся. Небеса ждут.

Задираю голову, словно надеясь услышать оттуда ответ. Тучи, низко стелясь над землей, скребут свинцовым подбрюшьем крыши домов. Подольск — город мертвых, чьи иссохшие костяки стали вечными стражами проклятого богом места.

Покосившиеся, изрезанные глубокими трещинами здания, точно замерли в ожидании развязки, пристально наблюдая за мной пустыми глазницами выбитых окон.

«Сколько прошло времени, как меня распяли? — думаю я. — Минута, час, вечность? Не все ли равно? Сдохнуть бы поскорее...»

Будто читая мои мысли, луна прячется за облаками. Черный саван тьмы спускается на город. Слышу шорох, невнятное бормотание. Серые тени выродков скользят по двору подольской клинической больницы. Уроды, больные и облученные, еле ковыляющие старики, замотанные в грязные рубища, все те, кого мы выгоняем из Убежища, подходят все ближе, не таясь. Не думаю, что они в открытую сожрут меня живо. Попавшихся на каннибализме мы расстреливаем без суда и следствия. И память об этом вколочена в них намертво. Но быть забитым камнями или получить остро заточенной арматурой под ребро мне совсем не улыбается. Странно устроен человек, — даже перед лицом неминуемой гибели он отчаянно пытается выторговать у смерти лишнюю минуту жизни.

Неожиданно выродки замирают, смотрят куда-то за меня, а через мгновение, дружно вереща, бросаются обратно в больничные корпуса. Как могу, скашиваю глаза в сторону и, до предела напрягая зрение, замечаю смутно различимую фигуру с посохом в руках. Странник медленно и осторожно пробирается вдоль сугробов. Полы серой накидки развеваются на ветру. Снежный наст предательски скрипит под его ногами. Звук шагов все ближе. В них мне слышатся удары колокола.

«По ком он звонит? — думаю я. И сам отвечаю: — Он звонит по тебе...»

Наверное, я свихнулся. Тело коченеет. Боль отпускает. Теперь она пульсирует где-то там — на задворках сознания. Смерть нежна, когда ты сам позовешь старуху с косой. Незнакомец уже рядом. Я хочу как можно быстрее шагнуть в бездну, поэтому закрываю глаза. Неожиданно чувствую, как сильные пальцы обхватывают лодыжки и кто-то, глухо выдохнув, едва слышно произносит:

— Я... нашел тебя...

От неожиданности я вздрагиваю. Адреналиновый всплеск, молотом вдарив по ушам, придает мне сил. С трудом продираю глаза, пытаюсь рассмотреть незнакомца. Во мраке он напоминает мне ожившего каменного истукана. Ростом странник явно за два метра, под плотной накидкой угадываются широченные плечи. Лица незнакомца не раз-

глядеть, скрыто под странной маской, напоминающей личину средневекового шлема, снабженную противогазной коробкой с фильтрами. Через плечо переброшена котомка. У пояса на ремне приторочен топор. За спиной необъятный рюкзак и огромный арбалет. Огнестрела не видно.

«Странный выбор, — думаю я. — Пока его перезарядишь, любой хмырь с пистолетом успеет сделать в тебе несколько дырок».

Тем временем незнакомец, воткнув посох в снег, обходит меня кругом. Снимает с себя накидку, тяжело вздыхает и, заметив недалеко расколотый надвое бетонный блок, направляется к нему. Согнувшись, он обхватывает меньшую часть, затем без видимого усилия отрывает ее от земли. Вернувшись, он кидает блок около креста, встает на него как на постамент.

Теперь я могу во всех подробностях разглядеть его маску. Огромные черные линзы похожи на глаза. Жуткое зрелище, словно на тебя смотрит мертвец. Про себя я называю его Франкенштейн. И точно в подтверждение моих мыслей незнакомец достает топор. Таким, наверное, сподручно людей от плеча до пояса разваливать. Странник, ловко перебросив оружие из руки в руку, в несколько ударов выбивает гвозди из балки до середины. От боли у меня темнеет в глазах.

— Терпи, — бубнит Франкенштейн, — терпи, как сын божий терпел, иного не дано!

С этими словами он выдергивает гвозди. Я глухо рычу в маску противогаза. Незнакомец аккуратно перерезает веревки, стягивающие мои руки. Затем, взвалив меня на могучее плечо, он спускается с бетонного блока и бережно кладет меня на расстеленную на снегу накидку. Мгновение спустя я чувствую, как с лица исчезает противогаз, а обветренных губ касается горлышко фляжки.

— Пей! — приказывает незнакомец, помогая мне приподнять голову.

Я делаю жадный глоток. Чувствуя, как горло обжигает огнем, спрашиваю:

— Кто ты?

— Друг, — отвечает незнакомец, — пей, легче станет!

— Как ты прошел через наш охранный пост? — интересуюсь я, толком не понимая, говорю ли я это вслух или просто думаю.

— Убил всех. Нам надо торопиться, — произносит гигант.

Странно, но я не удивлен этому ответу.

— Как тебя зовут? — продолжаю я.

— Яромир, но ты зови просто — Яр.

«Да уж... ну и имя, словно у сказочного богатыря, но не все ли равно?» — думаю я, чувствуя, как начинают тяжелеть веки.

Делаю еще один глоток. Яр убирает фляжку. Безумно хочется спать. Глаза режет, словно в них насыпан песок. Гигант роется в рюкзаке. Выуживает из него «ГП-7», прикручивает к нему фильтрующую коробку, затем натягивает противогаз мне на голову, регулирует лямки.

— Попробуй выдохнуть, — говорит Яр, — теперь вдохни, нормально сидит?

— Да, — отвечаю я.

— Хорошо, — произносит гигант, — теперь ты надолго уснешь, а когда проснешься, то будешь в безопасности.

— Обещаешь?.. — спрашиваю я, еле шевеля губами.

— Обещаю, — отвечает гигант, кладя мне на лоб тяжелую ладонь. — Спи!

Я закрываю глаза, медленно проваливаясь в зябкую трясиину воспоминаний...

* * *

Время, словно пленка в старом кинопроекторе, отматывается назад. В голове возникают неясные образы, обрывки воспоминаний. Смутные поначалу, они постепенно складываются в отчетливую картину.

Помню ли я, как все началось? Конечно, помню. Такое не забывается, хотя с момента Удара и прошло столько лет. Подробности тех страшных дней навечно вбиты в каждую клеточку моего мозга.

Итак, Подольск. Убежище № 1659 при городской клинической больнице. Здесь примерно две тысячи человек — выживших после Удара. Я, точно призрак, иду по коридору своей памяти, с каждым шагом углубляясь в прошлое. Смотрю по сторонам. Люди в отсеках буквально сидят друг у друга на головах. Спим мы посменно. А как иначе, если норма по количеству укрываемых перевыполнена раза в три?

Убежище, изначально предназначенное для больных и медперсонала больницы, занято нами, зверолоудьми — именно так, на манер персонажей из романа Герберта Уэллса, я зову про себя большинство из укрываемых. Только в книге ученый пытался из животных сделать людей, а здесь, под землей, человек сам, медленно и неотвратимо, со временем превращается в зверя.

Людское стадо, в день Удара снесшее все на своем пути. Мы, оставившие тяжелобольных на поверхности ради того, чтобы здесь, в подземье, превратиться в живых мертвецов.